

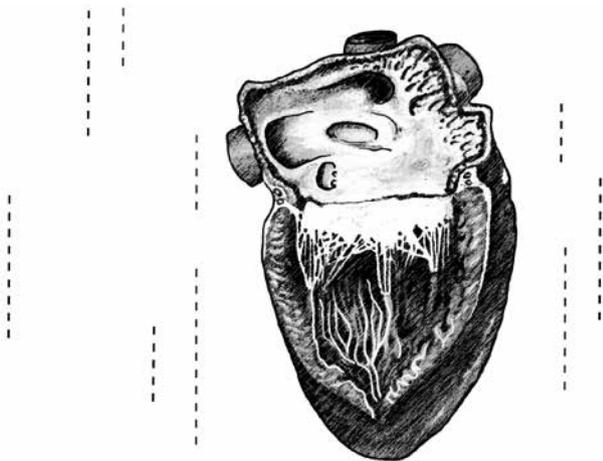
І Р І Н А Ф І Н Г Е Р О В А

ІРИНА
ФИНГЕРОВА

З А М К І

ХАРЬКОВ
«ФОЛІО»
2019

ГЛАВА 1

В ванной томился противень. Жир застывал, сливался с зеленоватым моющим средством и превращался в желе. Я писала, смотрела на свои выцветшие трусы и думала о том, правда ли это, что если съесть грифель от карандаша, поднимется температура? И вообще, какого цвета карандаш? Как описать этот цвет? Не серый, но серый.

Мама всегда покупала несимпатичные трусы. С какими-то уродливыми зайчиками или бабочками. Полянка для сказочных существ у меня между ног. Веселые трусы в мире, где взрослые предпочитают скуку. Вроде мелочь, а важное звено в цепи событий. В общественных раздевалках я привыкла стягивать колготы под юбкой и, не снимая её, надевать спортивные штаны. Мои трусы оставались тайной даже для подруг.

А подруг и не было.

Противень продолжал отмокать в химической жиже.

Гости только разошлись. Родители пошли провожать. Праздновали день рождения отца. Шестьдесят пять. Нуж-

но стерилизовать людей после пятидесяти. С точки зрения подростка — это будет более гуманно.

Пришел Валера, они работают с отцом механиками на СТО. Принес две бутылки водки и зеленый чепчик. Праздничный. Это Карина придумала — его жена, профессиональная гадалка. Александра Степаныча позвали тоже. Соседа-географа. На стол накрыли так, чтоб перед людьми стыдно не было. Мама взяла из денег на зубы. Зубы подождут, свиные отбивные важнее.

После третьей рюмки щеки у отца покраснелись, а шея вспотела, и я заметила, что у него появилось несколько новых бородавок. Он пытался выжечь их уксусом, потом перешел на чистотел, но бородавки оказались хитрей.

Мама пнула ногой под столом. Нужно говорить тост. Почему-то мои губы расплылись в дурацкой улыбке. Нельзя улыбаться! В переднем зубе застряла кинза! Как же я ненавижу тосты, анекдоты и разговоры о повышении цен на газ.

— Вдохновения, папа, — пробормотала я и чокнулась с Александром Степановичем, тем самым подавая сигнал: пьем!

Уткнулась в тарелку, где соседствовала селедка, телячий язык и брынза. Всё это плавало в розоватом свекольном соке.

Карина хихикнула и схватила меня за руку.

— Хо-хо! — присвистнула она. — Да ты влюблена, и любовь это такая, — Карина кокетливо повела ярко-синими бровями, — что нам даже и не снилась...

— Это у меня на руке написано? — скептически поинтересовалась я, пытаюсь вырвать руку, но её тут же перехватила мама с криками: «Покажи-покажи!»

— Нет, — Карина глотнула шампанского. — Это твой прелестный прыщик на носу тебя выдал, — и снова залилась истошным смехом.

— Дура, что ль, — беззлобно упрекнул жену Валерка, глядя на мое растерянное лицо. — Кто с дитем про прыщи шутит...

— Все в порядке, — пробубнила я и наколола на вилку дохлую оливку. Есть не стала.

Семейные застолья похожи на снежную сказку внутри глицеринового шарика. Встряхнешь какой-нибудь заготовленной шуткой — всё придет в движение, зарядит снегопад. Отсмеются. Снова вернется на круги своя. И стоит этот шарик на самом видном месте, все время задеваешь его локтем и боишься, что он упадет, разобьется... Что тогда будет?

Я показала язык отражению в зеркале и включила холодную воду. Умылась.

Зашла в свою комнату.

Никого нет дома. Одно из самых приятных ощущений в моем небольшом ларце приятных ощущений. Первым делом включила ноут. Экран приветственно засиял.

После очередного дня, проведенного не там, где хотелось бы, и занимаясь не тем, чем хотелось бы, *Вайя* наконец вернулась домой.

Заоконье темнело, теряясь в холодном январском воздухе. Смутно блестел сигаретный ларек, отделенный от дома покосившейся мусоркой и горбатой дорогой, по которой изредка переваливались соседские «девятки». Голые деревья содрогались от ветра. Я мысленно поежилась. Проветривать не стала. Все равно воздуха не хватит. Как хорошо, что дома — никого! Прелесть проходных комнат (а моя комната была именно такой) в том, что единственный способ побыть наедине с собой — притвориться спящей.

Я включила альбом «Haggard» и начала свой каждодневный ритуал.

На столе, заваленном потрепанными книгами, исписанными тетрадями в клеточку и погрызенными каран-

дашами, проживал мой личный алтарь. Он представлял собой несколько крайне важных вещей: вечный календарь — металлический квадрат с солнцем посередине, от которого радиально расходились дни и месяцы, прищипленные гвоздиком. Перед встречей с Морганом я всегда переставляла гвоздик, это значило, что новый день наконец-то начался. А главное, кончился старый.

Самодельная коробка сладостей «Bertie Bott's»¹, точно такая же, как в Гарри Поттере. Блокнот, выполненный под «Тардис»². Ожерелье из медвежьих клыков, как у Йо Асакура из аниме Шаман Кинг.

Два высоких подсвечника, один венчается солнцем, другой — полумесяцем.

Под «Haggard» — «Hijo De La Luna» я достала из ящичка стола две длинные оранжевые свечи, спички и вытянула из своей шкатулки ароматов шафрановую палочку. Ароматические палочки я классифицировала и подписывала. Запахи — моя слабость.

Уже играл припев, когда я чиркнула спичками, рассекла полумрак, зажгла свечи и, чуть отойдя от стола, стала кружиться, насколько это позволяло пространство.

Вот она, настоящая жизнь! А все, что вне — дохлая оливка! Почему я оказалась именно в этой реальности? Я как будто бы не создана для нее. Меня зовут Вайя, а не Таня...

Уселась за стол.

«Я должна учиться получать удовольствие от времяпровождения с собой. Так говорит Морган. Я почитаю немного. И только после этого зайду на форум».

Сердце стало биться чаще. Пульсировать в груди. В такие моменты мне казалось, что я могу умереть. Иногда

¹ Одни из самых популярных сладостей во вселенной Гарри Поттера. Диапазон их вкуса чрезвычайно разнообразен.

² Машина времени и космический корабль из британского сериала «Доктор Кто». Выглядит как синяя полицейская будка.

я представляла свои похороны. В белом платье, с лилиями в волосах. Мама закинется диазепамом, папа — водкой, никого не будут волновать мои дурацкие трусы. Черный лак на ногтях слезет полосками. Как земля. Морган придет. Одноклассники соберутся. Кто-то захихикает от неловкости. Географ скажет речь.

«Она умерла молодой...»

Карина добавит: «...и у нее была любовь, которая вам и не снилась».

Нет. Нет. Нет.

Когда картина становилась уж слишком правдоподобной, я вспоминала о том, что мысль вообще-то материальна, и сразу представляла себя древней старушкой с оравой внуков под боком. Сразу представляла себе веник, которым сметаю глупые мысли прочь, а они визжат и позорно разлетаются в разные стороны. Ненавижу эти навязчивые мысли о смерти. Иногда я думаю о том, как умирает кто-то из моих знакомых, а я утираю слезы и рассказываю Моргану о том, что он не знает, что такое потерять друга. Но самое паршивое — это чужие дети в парке. Я люблю детей, но почему-то в голове сразу появляются странные мысли. Например, я вижу как щеки ребенка раздуваются, и он лопается, как шарик, или вылетает из качели, пока делает «солнышко», а я пытаюсь героически его спасти, но уже поздно...

«Ладно, к черту!» — я сдалась и зашла на почту. Как долго грузится! Мы с Морганом договорились отправлять друг другу письма. Никаких мессенджеров и тупых картинок. Только по существу. Говорить, если есть о чем сказать.

— Надоел фастфуд, — сказал он, — на пленку можно сделать только 36 кадров. Хорошо бы и со словами так.

Кто-то позвонил в дверь.

— Где папа?

Мама пожала плечами и присела на табуретку в коридоре.

— С Валерой, — махнула рукой, — не человек, —
вздохнула, — не человек.

— Чаю?

— Спасибо, Танюш.

После долгой возни она наконец сняла ботинки и прошла в комнату.

Я зажгла конфорку Моргнула. Черт, не та конфорка. Кухонное полотенце задымилось. Переставила чайник. На всякий случай проверила, есть ли там вода. Когда что-то резко выдергивает из мыслей, наступает странное оцепенение. Как будто я смотрю на себя со стороны, и руки не мои, и шея не моя, а лицо (и это нелепое выражение) — точное не мое! Это оцепенение всего-то нужно стряхнуть с себя — как пыль выбивают из ковров. Одно маленькое волевое усилие — помотать головой, начать разговор с мамой, пожевать, зевнуть хорошенько — и мысли перестанут вдавливать в пол.

Достала лимон из холодильника, отрезала кусочек и кинула в чашку. Положила лимон обратно. Добавила три кубика сахара, помешала ложкой, снова достала лимон, собралась отрезать кусочек, посмотрела в чашку, уже есть. Все так сонно, медленно, но суетливо.

Скорей бы к Моргану!

— Мам, чай на кухне. Я к себе. Уроки.

— Ты моя хорошая.

Вернулась в комнату. А кипятком залила?